

Авдеенко Иван Анатольевич

К ВОПРОСУ О СИМВОЛЕ КАК КОНВЕНЦИОНАЛЬНОМ ЗНАКЕ ОСОБОГО РОДА

В статье рассмотрены особенности символа, отличающие его от собственно конвенционального знака и имени абстрактного понятия. Исходя из позиции, что означаемым символа является концепт как феномен культуры, автор выявляет структурные и функциональные свойства символа, делающие его знаком особого рода: панрелятивность концепта, в отличие от сепаративности понятия, обеспечивает безграничные возможности семиотической сочетаемости и глубины осмысления сложности мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 15-17. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

В статье рассмотрены особенности символа, отличающие его от собственно конвенционального знака и имени абстрактного понятия. Исходя из позиции, что означаемым символа является концепт как феномен культуры, автор выявляет структурные и функциональные свойства символа, делающие его знаком особого рода: панрелятивность концепта, в отличие от сепаративности понятия, обеспечивает безграничные возможности семиотической сочетаемости и глубины осмысления сложности мира.

Ключевые слова и фразы: символ; конвенциональный знак; понятие; абстрактное понятие; концепт; семантика.

Иван Анатольевич Авдеев, к. филол. н., доцент

Кафедра русского языка и литературы

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет

iavdeenko@mail.ru

К ВОПРОСУ О СИМВОЛЕ КАК КОНВЕНЦИОНАЛЬНОМ ЗНАКЕ ОСОБОГО РОДА[©]

В современном языкознании до настоящего времени нет единого представления о том, какие именно черты делают символ знаком особого рода [4]. Основные идеи в плане отличий символа от других знаков связаны с особенностями его структуры: совмещение иконической и индексальной связи означаемого и означающего [6], наличие у означаемого функции означающего более общего и абстрактного означаемого [2, с. 191]. Однако специфика внутризнаковых связей не вполне объясняет характер функционирования символа в культуре. Представляется, что ответы на вопросы, связанные с особенностями символа как знака, имеет смысл искать в характере его означаемого.

Хотя символ понимается как конвенциональный знак, его семантика принципиально отличается от семантики конвенционального знака, символом не являющегося. В ходе анализа употреблений терминов «символ» и «концепт» было установлено, что единственный подход, при котором символ и концепт связаны (при отсутствии тождества терминов «концепт» и «понятие», «символ» и «конвенциональный знак»), – это подход, согласно которому концепт определяется как «сгусток культуры» [3, с. 40], а символ понимается как знак, означающим которого является концепт [1].

Если рассматривать символ как знак, означаемым которого является концепт в культурологическом смысле, специфика символа как конвенционального знака состоит в следующем.

Означаемое символа представляет собой не понятие, а сеть отношений понятия с другими семантическими единицами. В результате символ стремится не к разграничению понятий, а к стягиванию так или иначе связанных понятий или концептов в один семантический комплекс. Если означаемое собственно конвенционального знака (понятие) членит представление о мире, то означаемое символа (концепт) соединяет его части в более или менее крупные единицы, а в конечном счете – в нечто единое.

Существуют две основные формы связи представлений о мире: 1) одно понимается как модель некоторого другого, более сложного и менее определенного (например, геометрическая фигура, называемая «круг», понимается как модель монотонной плавной замкнутости чего бы то ни было в мире); 2) одно связано другим в силу смежности (сорасположения, включения, причинно-следственной зависимости, временной последовательности и т.д.). В этом отношении семантика символа, действительно, выходит за пределы конвенциональности и сочетает в себе механизмы иконичности и индексальности [6], но сходство и смежность в таком случае оказываются свойством не символа как конвенционального знака, а его означаемого. Сам же символ в аспекте своей структуры остается знаком конвенциональным. Следовательно, символ отличается от собственно конвенционального знака наличием естественных связей сходства и смежности в структуре означаемого.

Если понимать мир как объект, в котором всё связано, семантика любого символа в конечном счете выражает все представления о вселенной, о мироустройстве, о прошлом, настоящем и будущем. Этим объясняется опора всех эзотерических практик на оперирование символом: в одном символе, как в магическом кристалле, можно увидеть весь мир, прошлое и будущее. Этой возможности понятие как означаемое конвенционального знака, не являющегося символом, проводящее границы между представлениями, не дает. Человек, оперирующий символом, расширяет свой кругозор за счет обнаружения новых связей, человек же, оперирующий понятием, фокусирует свой ум на детали, отбрасывая все, что имеет отношение к чему-то, но таковым не является. Если, обращаясь к символу, человек пытается понять, как устроен мир (как и мир посредством символа говорит человеку о своем устройстве), обращаясь к собственно конвенциональному знаку, человек вникает в сущность конкретного явления.

В результате панрелятивности означаемого символ получает гораздо большие возможности сочетаемости. Так, «звезда» как конвенциональный знак с понятийным означаемым «космический объект, представляющий собой облако раскаленного газа» совместима с категориями неба (локальный признак), свечением

(процессуальный признак), горением (сущностный признак), ночью (временной признак для непосредственного наблюдения). Словосочетания «земные звезды», «черные звезды», «таяние звезды», «полуденные звезды» с точки зрения понятийной сочетаемости невозможны. Если же слово «звезда» понимается как символ, такие построения вполне уместны. Можно утверждать и то, что символ как специфический конвенциональный знак актуализируется в особых операциональных контекстах: когда речь идет о понимании сущности и особенностей называемого объекта, признака, действия и т.п. сквозь призму логической сочетаемости, мы имеем дело с собственно конвенциональным знаком, если же речь идет об осмыслении всей сложности и многогранности мироустройства, сфокусированном на имени некоторого объекта, признака или действия посредством нетривиальной сочетаемости, – мы имеем дело с символом.

Из этого следует, что понятия как означаемые собственно конвенциональных знаков составляют категориальную (рациональную) картину мира, а означаемые символов – языковую, культурно специфическую, а значит, не вполне объяснимую рационально. Отсюда сложности перевода и культурная специфичность множества символов. Культурно специфические символические значения не выявляются в процессе рационального осмысления мира или обучения. Они проникают в сознание человека неосознанно, в результате опыта оперирования символами или восприятия такого оперирования в различных текстах, отражающих представления народа о мире.

Таким образом, отличия символа от собственно конвенционального знака можно свести к следующему:

- 1) собственно конвенциональный знак обозначает понятие, символ – концепт в культурологическом смысле;
- 2) понятие как означаемое собственно конвенционального знака членит мир, концепт как означаемое символа его соединяет;
- 3) означаемое символа имеет собственную сложную структуру, построенную на отношениях сходства и смежности;
- 4) оперирование собственно конвенциональным знаком позволяет проникнуть в суть вещи, оперирование символом – прикоснуться к сложности мироустройства;
- 5) символ имеет возможности сочетаемости, выходящие за пределы логики;
- 6) собственно конвенциональный знак обозначает элемент концептуальной картины мира, а символ – языковой.

Несколько иначе складывается ситуация с различием собственно конвенционального знака и символа, если мы имеем дело с именами абстрактных понятий. В работах, посвященных исследованию символов, имеют место обоснованные попытки рассмотрения имен абстрактных объектов, входящих в картину мира, в одном ряду с символами. Например, в словарь «Символы и термины масонов» А. А. Шунейко включает не только «собственно символы», но и «термины (мастер, товарищ) – единицы, которые характеризуют особенности иерархии и внутренних работ масонов», «понятия и концепты (равенство, свобода) – единицы, которые фиксируют доминантные приоритеты масонов», «символические имена (Адонирам, Новиков) – наименования легендарных и реальных лиц» [5, с. 6]. Это связано с тем, что и значение символа, и значение имени абстрактного понятия раскрываются и интерпретируются в бесконечном множестве смысловых связей (то же можно сказать и о терминах, и о символических именах в работе А. А. Шунейко), поэтому, как и символ, имя абстрактного понятия создает «смысловую воронку», втягивающую человека в интерпретационную деятельность.

Однако механизмы многозначности и создания «интерпретационного драйва» в случае с символом и именем абстрактного понятия различны. Так, если семантика символа существует исключительно в ментальной сфере и раскрывается через семантику других символов (семиотических единиц, которые вследствие связи с символом приобретают и свойства символа), то семантика имени абстрактного понятия включает в себя неопределенное множество конкретных (в том числе противоположных) проявлений в виде объектов, признаков, состояний, действий. Например, «свобода» выражается в каждом конкретном действии, состоянии, признаке, поступке человека, соответствующем представлениям о содержании абстрактного понятия, выраженного данным именем.

В результате возникает несколько иное, по сравнению с символом, направление интерпретации: если интерпретация символа идет по пути втягивания в семантику символа все новых и новых семантических объектов, то интерпретация имени абстрактного понятия идет по пути верификации соответствия конкретного проявления содержанию абстрактного понятия. При этом производится сопоставление, дифференциация соотносимых абстрактных понятий. Например, так называемая «свобода слова» проявляется в каждом выражении нетривиального, необычного, не предписанного общими представлениями о ситуации суждения. В момент каждого из этих выражений актуализируются несколько аспектов понятия «свобода слова»: говорю, что хочу; говорю, о чем хочу; говорю, как хочу; говорю, где хочу; говорю, кому хочу, – причем каждый из этих аспектов в каждом конкретном случае существует в относительно уникальных коммуникативных условиях. Многоаспектность абстрактного понятия соотносит его с рядом других абстрактных понятий (свобода – оригинальность, мудрость, эпатаж, произвол, хамство, оскорбление, хулиганство, юность, неопытность и т.д.), каждое из которых также многоаспектно, однако это соотношение устанавливается в аспекте преимущественно дифференциации.

Таким образом, при наличии общности широты интерпретации символ и имя абстрактного понятия отличаются, во-первых, сферой интерпретации (символ интерпретируется только в ментальной сфере, в то время как имя абстрактного понятия охватывает и сферу реальных проявлений), во-вторых, направлением интерпретации (символ стягивает семантические единицы, имя абстрактного понятия верифицируется применительно к конкретным проявлениям). Наконец, символ интегрирует, устанавливает связи, смыслы, в то время как имя абстрактного понятия, как и имя любого другого понятия, стремится к противопоставлению именам других абстрактных понятий.

Список литературы

1. **Авдеенко И. А.** Концепт, символ, текст: пространство эксперимента // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. 2010. № 1-2 (1). С. 45-48.
2. **Лотман Ю. М.** Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 191-199.
3. **Степанов Ю. С.** Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
4. **Шелестюк Е. В.** О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1997. № 4. С. 125-143.
5. **Шунейко А. А.** Символы и термины масонов: словарь. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2006. 396 с.
6. **Якобсон Р. О.** Лингвистика и поэтика / пер. с франц. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова; сост. М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.

ON QUESTION OF SYMBOL AS CONVENTIONAL SIGN OF SPECIAL KIND

Ivan Anatol'evich Avdeenko, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Russian Language and Literature
Amur Classical-Pedagogical State University
ivadeenko@mail.ru

The author considers the features of symbol that distinguish it from conventional sign and the name of an abstract notion, and basing on the position that concept as a cultural phenomenon is the signified of a symbol reveals the structural and functional properties of symbol, making it a sign of special kind: the pan-relativity of concept, as opposed to the separate nature of notion, provides the endless possibilities of semiotic combination and the depth of understanding the world complexity.

Key words and phrases: symbol; conventional sign; notion; abstract notion; concept; semantics.

УДК 81'42

Филологические науки

В статье рассматриваются случаи употребления иностилевых элементов в научных лингводидактических текстах, и делается вывод об их уместности и целесообразности, поскольку, будучи средством авторизации и адресованности, они позволяют автору текста вести гармонизирующий диалог с читателем как партнером по коммуникации, снимают безликость и безадресность речи.

Ключевые слова и фразы: научная коммуникация; научный стиль; лингводидактический дискурс; иностилевые элементы; средство авторизации; средство адресованности.

Ольга Борисовна Адаева, к. пед. н., доцент

Кафедра русского языка и методики преподавания русского языка
Челябинский государственный педагогический университет
adaevaob@yandex.ru

ИНОСТИЛЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ[©]

Поводом для написания этой статьи послужили размышления профессора О. А. Лаптевой о языке научных публикаций. Сравнивая научную прозу начала и конца XX века, автор пишет, что вплоть до 30-х гг. «фразы с эмоционально-экспрессивными вкраплениями в ткань научного текста, с соседствующими общелитературными и книжно-письменными формами были нормой научного изложения» [11, с. 57], и подчеркивает недопустимость иностилевых элементов сейчас: «К настоящему времени язык науки выработал довольно ограниченный и определенный в своем составе набор средств языкового выражения. Пользование им просто, потому что автоматизировано. Если же пишущий сознательно захочет выйти за пределы этого набора, уйти из плена автоматизма, то язык науки отомстит ему: из-под его пера выйдет что угодно, но только не строго научное произведение» [Там же, с. 56].

При этом научные тексты рассматриваются как некий нерасчлененный континуум, для которого характерны общие специфические черты, вытекающие из абстрактности и строгой логичности мышления, – обобщенность, подчеркнутая логичность, точность и объективность изложения, бесстрастность и др. Для языкового оформления основных стилиевых черт используется конвенционально закрепленная комбинация лексико-грамматических средств, «условных языковых приемов» [Там же, с. 60].

Однако совершенно очевидно, что научная статья по математике отличается от статьи по литературоведению, историк пишет не так, как медик или физик. Не случайно в последнее время наблюдается тенденция изучать не языковые особенности стиля, но дискурс как совокупность тематически общих текстов в неразрывной